

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Первый Выпуск — январь. „Жена“ — повесть Антона Чехова.

Повесть г-на Чехова «Жена» стоит по бесспорности с читателями. Мы не хотим сказать этими словами, что произведение г-на Чехова блестяще эстетически красотою, яркостью и глубиной художественных образов. Нет, в этом отношении оно не представляет из себя ничего выдающегося, прочтешь его мы еще раз убеждаемся в безделье современных беллетристов создать нечто вполне художественное, проникнутое широкими обобщающими идеями и философским просозерцанием, но за то в нем, как в фокус, отразились подлинно идейка, возрожденная восемнадцатилетними годами. Гравитация живучести этих подлинных общественных настроений заставляет нас остановиться на них; повесть же г-на Чехова является при изучении их такими хорошими пособиями, какими может служить только атлас для ученика, сидящего над уроком географии.

Рассказ ведется от имени некоего инженера Асорина, не любившего ни людей, ни жизни и приехавшего к себе в деревню, чтобы написать «Историю желѣзных дорог», к которой он не чувствовал ни малѣйшей симпатии, так как относился индифферентно ко всяким вообще явлениям общественной жизни. Однако работа, несмотря на массу свободного времени, плохо клеилась у героя повести. Он работал мало и неусидчиво, безвозвратный в тѣмъ, что каждое утро какие то мушки приходили в людскую и становились там на колѣни и тѣмъ, что ночью из амбара вытащили двадцать кулей ржи, слонавъ предварительно стѣну, в общинѣ тяжелым настроением, ко-

торое поддерживалось разговорами, газетам и дурной погодой». В особенности смутно инженера-пессимиста анонимное письмо, в котором говорилось, что в селѣ Пестровѣ холерная эпидемия голодного тифа. Придешь въ избу, пахнет анонимный авторъ, и что видишь: «всѣ больные, всѣ бредятъ, кто хочешь, кто на стѣну лѣзетъ; въ избахъ сирадь, ни воды подать, ни привести некому, а пашей служатъ одни мерзлый картофель». Письмо заканчивалось просьбой о скорѣйшей присылкѣ помощи. Получив это послание, Асоринъ въ первый моментъ разсердился (онъ прѣхалъ въ нѣмнѣ занимать литературу по общественнымъ вопросамъ, а теперь его принуждаютъ заботиться о мужикахъ), но затѣмъ успокоился, рѣшивъ пожертвовать въ пользу голодающихъ довольно крупную сумму вѣдъ такимъ образомъ удовлетворенію проснувшимся чувствамъ гуманности. Однако ширъ в душѣ Асорина продолжался недолгое время. Онъ сталъ мучиться вопросомъ: какъ лучше распорядиться своими деньгами. «Приказать купить хлѣба, пойти во избанъ и раздавать—это не под силу одному человѣку, переговоръ уже отонъ, что второнавъ раскуешь дать сытону или кулаку вдвое болѣе, чѣмъ голодному». Администрация инженеръ-пессимистъ не въриль. Всѣ эти земскіе начальники и податные инспектора казались ему людьми легкомысленными, неустойчивыми и онъ относился къ нимъ недоверчиво, какъ ко всей современной молодежи, материалистической и не имѣющей идеаловъ. Земская управа, волостные правленія и всѣ вообще канцеляріи, тоже не внушала ему ни малѣйшаго желанія обращаться къ ихъ помощи. «Я зналъ, говоритъ Асоринъ, что эти учреждения, присоединившіяся въ земскому и казенному пирогу, каждый день держали свои рты наготовѣ, чтобы прасосаться къ какому нибудь

еще третьему пирогу». Ему приходила на мысль пригласить къ себѣ сосѣдей-помѣщиковъ и организовать изъ нихъ комитетъ для пособия голодающимъ; такая организация, допускавшая совѣщаніе и контроль не противорѣчила его принципамъ, но вѣдъ онъ вообразилъ себѣ закуски, жирныя обѣды, ужины съ хлѣпаньемъ пробокъ от шампанскаго и тотъ шумъ, праздность, говорливость в дурной тонъ, какія неминуемо внесла бы въ его домъ эта пестрая, уѣздная компанія, и ему пришлось отказаться отъ своихъ плановъ.

На своихъ домашнихъ такъ же не могъ положить бѣднѣй инженеръ Асоринъ. Старая гувернантка, жившая въ его домѣ, отличалась феноменальною глупостью, а стѣной, молодой, красивой женщиной, питавшей къ нему когда то нѣжную страсть, у него были натянутыя отношенія. Хотя она жила подъ одной кровлей и видѣлись каждый день, тѣмъ не менѣе ихъ встрѣчи ограничивались пустыми формальными привѣтствіями. По глазамъ Натальи Гавриловны Асоринъ видѣлъ, что она рѣшилась остаться ему вѣрной до конца, и за это требуетъ, чтобы онъ не шутывался въ ея личную жизнь. Она легко переносила отчужденіе отъ мужа, потому что въ глубинѣ души ненавидѣла Асорина; не то чувствовалъ послѣдній, потому что временами онъ мечталъ о вторичномъ обладаніи прелестной, изящной Натальей Гавриловной. Какъ эгоистъ до мозга костей, онъ рѣшился воспользоваться страданиями голодающихъ и употребить ихъ какъ орудіе для сближенія съ женою. Онъ пригласилъ Наталью Гавриловну по важному дѣлу вспомоществованія голодающимъ, да кстати въ качествѣ консультанта прихватить ея пріятеля Ивана Иванова Брагина, который въ старые годы славился радикальнымъ образомъ мыслей и очаровательнымъ выраже-

2

...и дороги введо-

совь съ курсомъ общеобразователь-

ниемъ лица, теперь же совсѣтъ постарѣлъ, «запыль жиромъ и доживалъ свой вѣкъ безъ направленія и выраженія». Первое совѣщаніе импровизированнаго комитета, дѣйствительно, состоялось, но окончилось оно крайне неудачно для Асорина. Жена держала себя холодно, не выказывая ни малѣйшаго состраданія къ крестьянамъ села Песурова, а бывшій радикалъ Брагинъ, тотъ даже брякнулъ на прощаніе инженеру:

— Не беспокойтесь, голубчикъ, Ей Богу, ничего нѣтъ. Ей Богу ничего.

— Какъ же ничего, воскликнулъ Асоринъ, мужики сдираютъ съ изъбы крыши и уже, говорятъ, гдѣ то тифъ.

— Ну такъ что же, отвѣчалъ Брагинъ, въ будущемъ году урождать, будутъ новыя крыши, а если помирѣтъ отъ тифа, то послѣ насъ другіе жить будутъ. И все равно помирать надо, не теперь, такъ послѣ, ей Богу, ничего. Не беспокойтесь, красавецъ.

Между тѣмъ, Асоринъ случайно узнаетъ, что жена, Брагинъ и еще земскій врачъ Соболевъ находятъ противъ него въ заговорѣ. Она образовала изъ мѣстныхъ помѣщиковъ обширный комитетъ пособія голодающимъ, который собирается каждую недѣлю на половину Натальи Гавриловны. Сначала члены комитета, зная натянутыя отношенія Асорина съ женою, стѣснялись хозяина, но потомъ ихъ развязность дошла до того, что послѣдній, сидя наверху, явственно слышалъ, какъ изъ-подъ пола доносили «ура» въ честь какого-то Махонина, отпущеннаго на голодающихъ тысячу пудовъ муки и тысячу рублей денегъ. Все еще пытая надежду на возможность сближенія съ женою, Асоринъ идетъ на половину Натальи Гавриловны и предлагаетъ ей принять его въ члены комитета, воспользоваться его деньгами, знаниями и опытностью. Жена встрѣтила предложеніе му-

жа съ худо сдержанною злобою и напрямикъ сказала, что самое лучшее, что ему можно сдѣлать—это не стѣснять своимъ присутствіемъ комитетъ и уѣхать въ деревню. На вопросъ Асорина: почему? Наталья Гавриловна обрисовала слѣдующими чертами его крайне неприятный характеръ:

— Вы ненавидите вѣрующихся, такъ какъ вѣра есть выраженіе неразвита и невѣжества и въ то же время ненавидите невѣрующихся за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ; вы ненавидите старость за отсталость и консерватизмъ, а молодыхъ за вольнодумство. Вамъ дороги интересы народа в Россіи, а потому вы ненавидите народъ, такъ какъ въ каждомъ подозрѣваете вора и грабителя.

Асоринъ ничего не возражаетъ противъ этой довольно странной характеристики и побѣжденный доводами жены уѣзжаетъ. Но на вокзалѣ имъ овладѣваетъ припадокъ мелодушія и онъ вмѣсто того, чтобы сѣсть въ вагонъ и мчаться въ Петербургъ, приказываетъ кучеру ѣхать къ Брагину. Тамъ онъ застаётъ земскаго врача, Соболева и вмѣстѣ съ Брагиннымъ и земскимъ докторомъ садится за обѣдъ изъ десяти блюдъ, обильно приправленныхъ деревенскими наливками, совершенно не подозрѣвая, какія отсюда могутъ произойти важныя послѣдствія. Между тѣмъ за этимъ жирнымъ, грузнымъ обѣдомъ въ его душѣ совершается настоящій переворотъ, напоминающій собою фатальную встрѣчу Цыра Безубова съ Платономъ Каратаевымъ. Роль Каратаева принялъ на себя докторъ Соболевъ, совершенно погрязшій въ свою земскую практику и уже десять лѣтъ не читавшій ни одной разумной книжки.

— Если, понимаете ли, объяснялъ эскулапъ инженеру, уписывая за обѣдъ чеки поросенка съ хрѣномъ и съ сметаной, вдуматься, взглянуть, да разобрать, съ позво-

ленія сказать, эту кашу, то вѣдь это не жизнь, а пожаръ въ театрѣ. Тутъ, кто падаетъ или кричитъ отъ страха и мечется, тотъ первый врагъ порядка. Надо стоять прино и гладить въ оба! Тутъ уже некогда ниюи распускать и мелочами заниматься. Когда имеешь дѣло съ стихією, то выставляй противъ нея стихію, будь твердъ и неподатливъ, какъ камень. Еще рельефнѣе выражаетъ Соболевъ свое profession de foi уже послѣ жирнаго обѣда, за чаемъ на постояломъ дворѣ, куда учитель и ученикъ заѣхали по дорогѣ отъ Брагина.

— За обѣдомъ вы говорили о климатѣ, напоминалъ Соболевъ Асорину. Да при такомъ климатѣ, при такомъ ироостранствѣ, при избѣжно (?) жалкой культурѣ и при этой удивительной безчеловѣчности, къ которой я приглядѣлся въ своей жизни и особенно, когда былъ на службѣ, единственное (!) наше спасеніе—съ одной стороны простыя человѣческія отношенія, позволяющія говорить другу другу правду, а съ другой—полный ие равнодушіе. Страхъ, отчаяніе, наши постоянныя заботы о самосохраненіи—все это только осложняетъ опасность.

Послѣ этого высокопоучительнаго разговора съ врачомъ Соболевымъ инженеръ Асоринъ ощутилъ въ своей груди приливъ какихъ то новыхъ еще не испытанныхъ эмоцій. Онъ раскаялся передъ женою, сознался, съ болью въ душѣ, что все время былъ мелочнымъ эгоистомъ, жалкимъ и честолюбцемъ и перешелъ по совѣту учителя, «въ полкъ равнодушныхъ». Прежняго беспокойства, писемъ про себя Асоринъ, прежнихъ тщеславныхъ стремленій какъ не бывало. Все это точно рукою снялъ одинъ жирный обѣдъ и чай на постояломъ дворѣ съ докторомъ Соболевымъ. «Какъ летающія ядра или пули, замѣчаетъ новообращенный, не мѣшаютъ солдатамъ говорить о своихъ дѣлахъ, вѣсть и починять

«Казанский Биржевой листок» 1892, 28 янв

№ 26

с. 2.

3

обуви, так и голодающие не ищут ни спокойной сна, и заниматься своими делами». Дойдя до апогея равнодушия, он позволяет жене продавать все в дом ради спасения голодающих и с своей женой фактура заботится:

— Скоро от нашего состояния не останется ничего и мы будем бѣды, но это не волнует меня и я весело улыбаюсь жене. Съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ въ одну изъ полку съ равнодушными людьми, я сталъ самъ равнодушнее и ниѣ хорошо. Что будетъ дальше, я не знаю.

Такова фабула разсказа. Мы остановились подробно на ней, преслѣдуя двойную цѣль. Съ одной стороны намъ хотѣлось собрать передъ читателемъ психологическій материалъ, который даетъ возможность сдѣлать извѣстные заключения о характерѣ главнаго героя повѣсти; съ другой стороны, мы желали отбѣтить то подное, пессимистическое направление, которое сдѣлалось преобладающимъ въ беллетристикѣ восьмидесятихъ годовъ. Начавъ съ психологич. Наталья Гавриловна характеризуетъ Асорина какъ человѣка, который ненавидитъ все: и вѣрующую, и невѣрующую, и консерваторовъ, и вольнодумцевъ и вслѣдствіе своей огульной злобы ко всему на свѣтѣ чувствуетъ себя одинокимъ. Намъ кажется, что человѣкъ, относящійся враждебно къ крайностямъ, въ какомъ бы направленіи не выражались послѣднія, долженъ принадлежать къ лагерю оппортунистовъ, быть сторонникомъ золотой середины. Но такихъ людей во всякія времена бываетъ масса и послѣдователи оппортунизма не могутъ чувствовать себя въ одиночествѣ. Эта неясность въ одной изъ основныхъ чертъ характера Асорина путаетъ все дѣло и не даетъ возможности судить, какинъ образомъ Асоринъ, человѣкъ, повадиному, очень образованный и талантливый, такъ быстро сдается на доводы

Мѣсяць января.

земскаго врача Соболя, уже десять лѣтъ не глядившаго ни въ одну разумную книжку. Какое значеніе могли имѣть для инженер-пессимиста эти докторскія ссылки на климатъ, пространство и *неизбѣжно* жалкую культуру Россіи, когда онъ зналъ, что сѣвероамериканцамъ также приходится считаться и съ суровымъ климатомъ, и съ громадными пространствами. Однако тамъ культура находится на очень высокой степени развитія и никто не мечтаетъ тамъ о какихъ то сказочныхъ отношеніяхъ, позволяющихъ говорить правду другъ другу, или о познѣйшемъ равнодушии, какъ о единственномъ спасеніи отъ неминуемой гибели? Откуда взялась такая сила въ этихъ нелѣпыхъ бредняхъ объ аркадскихъ отношеніяхъ в каменномъ равнодушии? Авторъ не разъясняетъ намъ этой психологической загадки, онъ только свлается разъяснить ее и, какъ сейчасъ увидимъ, весьма неудачно.

Раньше мы заботили, что въ Асоринѣ совершился переломъ, напѣнивающий собою вліяніе, оказанное Каратаевымъ на Безухова. Каратаевъ вповоруетъ Безухову не логику, не широкій, стройный міросозерцаніемъ, а свои душевные уклады, позволявшіе ему безропотно сносить разныя житейскія невзгоды. Силъ впечатлѣнія, исходившей отъ блаженнаго садатка, способствовалъ также особымъ условіямъ, въ которыхъ очутился Пьеръ, и его ненормальное состояніе. Безъ этой предварительной потери душевнаго равновѣсія весь эпизодъ встрѣчи Безухова съ Каратаевымъ оставался бы непонятнымъ для читателя. Чеховъ, какъ писатель, не лишены художественнаго чутья, понималъ необходимость для Асорина предварительнаго безразнаго состоянія, какъ фактора, который ускоритъ порожденіе ночныхъ психическихъ нислоений въ героѣ повѣсти. Отправляясь на ставку и къ Брагину, Асоринъ спраши-

ваетъ не разъ самого себя: ужъ не сходять ли онъ съ ума? Такинъ образомъ, Чеховъ, подобно Толстому, видитъ въ душевномъ разстройствѣ своего героя благоприятную почву для пресбразованія его характера въ духѣ нелѣпыхъ идей, внушенныхъ ему Соболевъ. Но въ этомъ пунктѣ необходимо внести существенную поправку. Пьеръ графа Толстого, освободившись счастливымъ случаемъ изъ плѣна, теряетъ, надо по налу, настроеніе, навѣянное на него физическими страданіями, бивуачною жизнью и знакомствомъ съ Каратаевымъ. Жизнь беретъ свое и принимаетъ отщепенца въ свое лоно. Безуховъ еще болѣе прилѣпается къ жизни; ему мало селѣйнаго счастья и матеріальнаго довольства. Ему больно видѣть реакцію, наступившую въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, онъ жаждетъ общественныхъ преобразованій. Иначе, конечно, в бытъ не могло. Каратаевскій взглядъ на жизнь слишкомъ несостоятеленъ, чтобы нѣтъ провѣнчаться интеллигентный человѣкъ даже начала нынѣшняго столѣтія в потому весьма понятно, что у Толстого Пьеръ не дѣлается ученикомъ Каратаева, а только съ какою то слабостью вспоминаетъ о немъ. У Чехова выходитъ, какъ разъ, наоборотъ. Асоринъ проникается настолько теоріей равнодушія, что спокойно смотритъ на собственное раззореніе и чувствуетъ себя хорошо при этомъ созерцаніи. Въ немъ гаснетъ всякое стремленіе къ дѣятельности и въ его душѣ начинаетъ безконтрольно царить факирскій индифферентизмъ. Въ лицѣ Асорина мы видимъ, слѣдовательно, дѣло съ безнадежнымъ маниакомъ, неисправнымъ психопатомъ, данно предрасположеннымъ къ душевнымъ заболѣваніямъ. Въ такомъ случаѣ намъ все равно: отчего Асоринъ потерялъ свое душевное равновѣсіе: отъ нелѣпыхъ ли рѣчей доктора Соболя или отъ чувствительныхъ вліяній

4

бывшаго радикала, Брагина? Мы думаем, что самый рассказ теряет из данной случая свой *raison d'être*: онъ сводится на ственъ скорбнаго листа.

Не такъ смутить на своего героя авторъ. Онъ вовсе не считаетъ Асорина безважнымъ маниакомъ, напротивъ, изъ всего тона рассказа заметно, что Асоринъ, якобы, сподобился узрѣть истину. Здѣсь г. Чеховъ кокетничаетъ, если можно такъ выразиться, съ индѣйской философійю. Благодаря этому, во всемъ рассказѣ чувствуется осбенный душокъ, который былъ такъ неприятенъ покойному Н. В. Шелгунову, модный пессимизмъ, какая то поддѣлка подъ учене буддизма. Въ этомъ отношеніи мы въ правѣ назвать произведеніе г. Чехова вполне современнымъ.

Трудно сказать, отчего это происходитъ: отъ нашей ли славянской безхарактерности или просто отъ политическаго невѣжества, но только буддѣйская философія стала играть у насъ извѣстную роль при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Конечно, трудно направлять при помощи ученія буддизма общественную жизнь, такъ какъ послѣднее въ сущности совершенно неспособно къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ: оно не рѣшаетъ, а цѣликомъ упраздняетъ ихъ, потому что въ принципѣ относится отрицательно къ человѣческому существованію. Однако попытки въ подобномъ родѣ не только дѣлаются, но даже на долгое время занимаютъ общественное мнѣніе и производятъ сенсацію. Рассмотрите, наприкладъ, значеніе и источникъ появленія Крейцеровой сонаты. Объективно смотря на отношенія между супругами, затронутыя въ послѣднемъ произведеніи графа Толстого, приходишь, конечно, къ убѣжденію, что люди, вступающіе въ бракъ, дѣлаютъ нерѣдко крупныя промахи подъ влияніемъ сильныхъ, но быстро исчезающихъ

впечатлѣній. Отсюда возникаетъ естественный антагонизмъ между элементами брачной пары и для общества является необходимостью смягчить законодательнымъ путемъ послѣдствія невольныхъ ошибокъ, отъ которыхъ никакая система воспитанія и образованія не въ состояніи гарантировать человека. Такъ возникаетъ вопросъ о разводѣ между супругами. Во всякомъ нормальномъ обществѣ, гдѣ этотъ вопросъ достаточно назрѣлъ, всегда возникаетъ движеніе въ пользу расширенія условий, при которыхъ бракъ можетъ считаться недействительнымъ. Это движеніе приводитъ къ соответствующимъ законодательнымъ актамъ и общественная жизнь получаетъ новое и при томъ вполне закономѣрное теченіе. Но такъ, повторяемъ, ведется дѣло въ обществахъ, достигшихъ высокой степени политическаго развитія. У насъ же люди политически развитыя представляютъ величайшую рѣдкость и потому каждая стоящая на очереди реформа подвергается еще раньше своего осуществленія всевозможнымъ искаженіямъ. Обыкновеннымъ фактамъ, а вдругъ, ни съ того, ни съ сего, придается колоссальное значеніе и простой въ сущности вопросъ о разводѣ превращается въ буддѣйскую проповѣдь безбрачія. Этины аскетическія разглагольствованія ни ведется, конечно, не рѣшается, а все упраздняется; а между тѣмъ люди серьезно воображаютъ, что они достигли какихъ то положительныхъ результатов.

Обращаясь къ рассказу г. Чехова, трудно замѣтить, что докторъ Соболевъ стоитъ на той же почвѣ, съ которой не хотять сойти сторонники Крейцеровой сонаты. Въ самомъ дѣлѣ, во всякой благоустроенной странѣ, гдѣ, по какимъ либо причинамъ, является голодъ, создаются сначала общественныя организаціи, поставившія себѣ цѣлью облегчить, на сколько возможно страданія населенія, потерпѣвшаго отъ неурожаа, а

потомъ изучаются причины, вызвавшія недородъ хлѣба, и замысливаются средства, предупреждающія повтореніе на будущее время голодовокъ. Все это такъ просто и понятно, что едва ли подлежитъ дальнѣйшему разъясненію. Тѣмъ не менѣе прислушайтесь, что проповѣдуетъ земскій врачъ Соболевъ: Онъ толкуетъ о какомъ то каменномъ равнодушіи, о выставленіи стихій противъ стихій, о какихъ то утопическихъ отношеніяхъ, при которыхъ каждый говоритъ правду другъ другу. Свѣжаго и политически развитаго челоѣка просто коробитъ отъ этихъ несообразностей, отъ этихъ пустыхъ разглагольствованій. Экономическія условия, въ которыхъ приходится существовать нашему земледѣльцу, получаютъ названіе «стихій», энергическая дѣятельность считается совѣстимой съ факирскимъ равнодушіемъ, признается возможнымъ осуществленіе какого-то *fraternité*, при которомъ люди отучаются лгать и будутъ говорить правду другъ другу. Однимъ словомъ — цѣлый рядъ психологическихъ нецѣлостей и непросвѣтная тьма политическаго невѣжества. Мы прощаемъ весь этотъ вздоръ г. Соболеву, вполне ошьянѣвшему отъ чтенія разумныхъ книжекъ, но не можемъ простить Чехову, что онъ беретъ явно подъ свое авторское крылышко этого земскаго дѣателя. Авторъ несетъ отвѣтственность за слова и дѣянія своихъ излюбленныхъ персонажей.

Все перемерется — мукъ будетъ. Но жалъ тысячу разъ жалъ, что до сихъ поръ еще мы не научились здраво смѣрять на вещи и создаемъ себѣ дикія, нецѣльныя теории тамъ, гдѣ нужно не болѣе, какъ простое, активное внимательство въ ходъ общественной жизни.

П. Серебрянскъ.